DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.4.07

УДК 111.852

ГРАНИ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО: МАНИФЕСТАЦИИ ИНОГО В СОВРЕМЕННОЙ ОНТОЛОГИИ И ЭСТЕТИКЕ

О.С. Мышкин

Пермский край, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 5 февраля 2019 г.
Принята: 20 ноября 2019 г.
Опубликована: 31 декабря 2019 г.

Ключевые слова:

эстетика, человеческое/не-человеческое, Ю. Такер, плоская онтология, возвышенное, черное озарение, «Новое состояние живого», постгуманизм.

АННОТАЦИЯ

В статье предпринимается попытка философского описания сущности различных проявлений нечеловеческого. В качестве философской основы для такой работы выступает «критика чистого чувствования» А.Н. Уайтхеда, акторно-сетевая теория Б. Латура, а также ряд современных онтологий, разработанных в рамках движения, условно называемого «спекулятивным реализмом». Концептуальной основой статьи является исследование нечеловеческого, предпринятое американским философом Ю. Такером в третьем томе его работы «Ужас философии». Для закрепления жеста наделения предельных проявлений нечеловеческого особым онтологическим статусом вводится термин «радикально иное», который в определенных случаях может выступать как альтернативный по отношению к устоявшемуся термину «нечеловеческое». Необходимым теоретическим условием возможности осуществления этого жеста признается принятие так называемой «плоской онтологии» – такой, в которой актуальные сущности, обладающие различной природой (как люди, так и нечеловеческие сущие), рассматриваются как существующие на равных правах. В такой онтологии человеческое лишается своего привилегированного положения в бытии. Кроме того, в статье вводится оригинальная классификация проявлений нечеловеческого. Работа тематически связана с докладом, прочитанным автором в рамках лектория, приуроченного к выставке «Новое состояние живого», проходившей в Музее современного искусства PERMM в конце 2018 – начале 2019 года, в центре внимания которого было изменение сущности субъекта в современной эстетике. Работы художников, относящиеся к направлению *art&science* и экспонировавшиеся в ходе выставки, рассматриваются в качестве примеров взаимодействия человеческих и нечеловеческих акторов в актуальных эстетических практиках. Для исследования эстетического и гносеологического аспектов взаимодействия человеческих существ и не-людей применяется сравнение механизмов аффицирования человеческой чувственности, описанных в «Критике способности суждения» И. Канта и в работе Ю. Такера. В завершающей части статьи приводится критическая оценка концепции преодоления антропоцентризма, принятой организаторами выставки, и философии постгуманизма в целом.

© ПНИПУ

© Мышкин Олег Степанович – независимый исследователь,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6850-3929>, e-mail: olegmyshkin@mail.ru.

© Oleg S. Myshkin – Independent Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6850-3929>,
e-mail: olegmyshkin@mail.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

THE ASPECTS OF THE NONHUMAN: MANIFESTATIONS OF THE OTHER IN CONTEMPORARY ONTOLOGY AND AESTHETICS

Oleg S. Myshkin

Perm Krai, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 05 February 2019
Accepted: 20 November 2019
Published: 31 December 2019

Keywords:

aesthetics, (non-)human, speculative realism, Eu. Thaker, flat ontology, sublime, black illumination, the New State of the Living, posthumanism.

ABSTRACT

In the article it is made an attempt to create philosophical description of different manifestations of the nonhuman. Philosophical foundations of such a work are "a critique of pure feeling" developed by A.N. Whitehead, Actor-network theory by B. Latour and a number of modern ontologies created within the framework of the so-called speculative realism. Conceptual basis for this article is Eugene Thacker's research of the non-human developed in the third volume of his book *The Horror of Philosophy*. We introduce the term *the radical other* in order to fix the gesture of giving a special ontological status to the ultimate manifestation of the nonhuman. This term may function as an alternative to the established term *nonhuman* in certain cases. Adoption of the so-called flat ontology is a necessary theoretical condition for fulfilment of this gesture. Flat ontology is an ontology in which actual entities with different natures (both humans and nonhuman beings) are considered to exist on an equal footing. In such ontology the human is deprived of its privileged position in being. In addition, we introduce an original classification of the nonhuman's manifestations. The work is thematically related to the lecture given by the author within the framework of *the new state of the living* project which was implemented at The Museum of Contemporary Art PERMM in late 2018 – early 2019. The main theme of this lecture was a transformation of the subject in contemporary aesthetics. We consider works of artists related to the direction of *art & science* that were demonstrated at the exhibition as examples of real interaction between human and nonhuman actors in the actual aesthetic practices. We apply the comparison of mechanisms of human sensuality affliction described by Immanuel Kant and Eugene Thacker in order to study aesthetic and epistemological aspects of the interaction between human beings and non-humans. The final part of the article provides a critical assessment of the concept of overcoming anthropocentrism adopted by the organizers of *the new state of the living* project and a critical assessment of the philosophy of post-humanism as a whole.

© PNRPU

Нечеловеческое – это не просто то, что не является человеком, будь то животные, машины, океаны или города... Нечеловеческое – это также и не то, что делает человека человеком... Нечеловеческое отлично от этих двух способов мышления – антропоцентризма и антропоморфизма соответственно.

Ю. Такер. *Ужас философии*, т. 3

Термины «нечеловеческое» и «радикально иное»

Ранее, в рамках лекции, приуроченной к выставке «Новое состояние живого», проходившей в конце 2018 – начале 2019 года в Музее современного искусства PERMM, нами был намечен подход к описанию изменений онтологического статуса субъекта эстетики. В основе этого подхода лежит описание эстетического опыта с философской позиции, существование которой стало возможным благодаря трудам английского математика и философа А.Н. Уайтхеда и его современных критиков и последователей, таких как Г. Харман, Л. Брайант, С. Шавиро и др. Суть этой позиции заключается в попытке преодоления ограничивающего воздействия модерна, преимущественно корреляционистского, взгляда на опыт и эстетическое – в попытке, предполагающей, с одной стороны, рассмотрение человеческого опыта как конкретно-го, частного, случая чувствования (*feeling*) одного из множества видов актуальных сущностей –

человеческих существ, а с другой – вписывание этого частного вида опыта в общую онтологическую схему, в которой, по выражению И. Богоста, «все сущие одинаково существуют, *хотя они и не существуют одинаково*» [1]. Данный тезис Иена Богоста находит широкий отклик в работах многих современных мыслителей, объединяемых в так называемое движение спекулятивного реализма. В частности, его подхватывает американский философ Леви Брайант, развивший в своей книге «Демократия объектов» один из вариантов «плоской онтологии», цель которой – установить онтологическое равноправие нечеловеческих сущих и людей [2]. По-видимому, пафос этого подхода оказывается созвучен некоторым из идей авторов выставки. В данной статье мы предпримем попытку описать (пере-) распределение сфер «человеческого» и «иного», опираясь на философские и литературные примеры, а также на опыт восприятия некоторых экспонатов выставки. В свою очередь, попытка интерпретировать возникающие в связи с этим идеи может оказаться полезной для описания зыбких и подвижных границ между динамически различающимися областями, или регионами, сущего, между «человеческим» и «иным».

Прежде всего, сделаем оговорку касательно применяемой нами терминологии. Вводя терминологическую пару «человеческое/иное» мы желаем еще более заострить те положения, на которых концентрируется Ю. Такер в 3-м томе «Ужаса философии» [3]. В этой книге в качестве термина для обозначения «чего-то другого [по отношению к человеческому – *О.М.*], загадочного и конституирующего горизонт для человеческой мысли» [4], Такер согласно уже сложившемуся порядку предлагает использовать термин «*нечеловеческое*». В то же время для наших целей имеет смысл временно оставить гуманизм и его противоположности, такие как различные варианты антигуманизма, в стороне, полностью исключив сам термин «человеческое», чтобы вновь не оказаться в ловушке бесконечных споров об «исключительной роли людей во вселенной» (или, как вариант, об отсутствии у них таковой), о связи или, хуже, не/обусловленности существования «мира» в том виде, в каком он есть, существованием людей, якобы обладающих некими онтологическими привилегиями, и т.д. Поскольку ранее, по крайней мере в рамках традиционного толкования европейской философии, различение регионов сущего проводилось с точки зрения жесткой бинарной оппозиции: человеческое/нечеловеческое, в которой человеческому отводилась роль ведущего и активного начала, актора распределения, любая попытка говорить о том, что Такер называет «нечеловеческим», неизбежно вновь и вновь сводилась к обсуждению чисто человеческих проблем: доступа, корреляции, бытия-в-мире и т.п.

Сегодня становится все более очевидным факт, что оптика традиционной западной онтологии не столько ошибочна, сколько просто не является оптимальным инструментом, поскольку между этими противоположностями (человеческое/нечеловеческое), по-видимому, скрывается целая гамма сущностей, обладающих «промежуточным» онтологическим статусом. Эти странные (*weird*) сущности: *еще не люди, уже не люди, еще не не-люди* и, возможно, *уже не не-люди*, – раз за разом вырываются из мрака, вынуждая нас не только с подозрением допытывать маргинальные теоретические построения прошлого, но также и в буквальном смысле слова оборачиваться в страхе: что за тени роятся за нашими спинами? Если первые два класса сущностей (*еще не люди* и *уже не люди*) издавна были предметом философских и научных размышлений, а равно художественных опытов, проблематизирующих понятия человеческого и, шире, живого, например, в контексте обсуждения пренатального опыта или проблематики смерти и многого другого, то последующие классы сущих все более вырываются из области охвата привычной оптики. Тогда как рассмотрение первых двух классов имеет в качестве своей центральной оси собственно человеческое – по большому счету этим (осью человеческого, *еще не людьми* и *уже не людьми*, то есть людьми и *вещами* в привычном классическом смысле) и ограничи-

вается традиционная философская и научная проблематика модерна, – рассмотрение последующих классов сущностей подрывает онтологический статус «человеческого», требуя кардинальной смены исследовательской перспективы. В определенной мере рассмотрение третьего класса (*еще не не-люди; то, что живет ниже уровня актуального, будучи при этом абсолютно реальным*) в спекулятивной форме явилось делом философии XX века (по-видимому, сюда следует отнести спектр философских доктрин от Уайтхеда до Делёза и других философов, занимавшихся сущностью процесса/становления/виртуального). Что касается последнего, четвертого, класса сущностей (*уже не не-люди*), то именно к нему можно отнести (отнюдь не безусловно!), например, то, что Тимоти Мортон называет «странным чужестранцем» [5].

Столкновение с сущностями последних двух типов выворачивает наизнанку привычную модель человеческого «мира» – сферу, пронизанную центральной осью человеческого (для наглядности представьте себе глобус, вращающийся вокруг штыря, образующего центральную ось). В то же время само наименование двух последних классов сущностей указывает на важную деталь: наряду с «еще» и «уже», проблематизирующими границы этих классов, и дважды повторенным отрицанием, оно все-таки содержит в себе «людей», хотя статус «людей» оказывается здесь подорванным *дважды: во-первых*, хотя «люди» номинально с точки зрения языка и остаются здесь точкой референции (как еще мы можем называть и классифицировать подобные сущности, коль скоро нам случилось быть людьми?), напомним, что речь здесь идет¹ все же **не о них, о не-людях. Не-они** абсолютно реальны вне всякой референции к человеческому. Скорее, наоборот, такая референция, равно как и познание людьми мира (или же того, что мы привыкли считать таковым), становятся возможными только благодаря тому, что люди всегда оказываются заранее расположены *ими (by them)* по отношению к ним самим и по отношению друг к другу. Как пишет об этом в контексте разрабатываемой им философии агентного реализма современный исследователь Карен Барад, «в традиционных гуманистических теориях умопостигаемость нуждается в мыслящем агенте (для которого что-либо постигаемо), и мышление определяется исключительно как человеческая способность. Но в моем агентно-реалистическом подходе умопостигаемость – это онтологический перформанс мира в его непрерывной артикуляции. Это не зависящая от человека характеристика, но черта мира в его дифференциальном становлении» [6, с. 63].

Утрачивая привилегию исключительных существ, привилегию мыслящего агента, свысока взирающего на окружающие его объекты, люди оказываются вытеснены на периферию «мира», занимая положение по меньшей мере настолько же удаленное от его центра, насколько от него удалено положение любого другого вида сущих: лягушек, ос, камней, торнадо, нейтрино, перчаток и дохлых крыс. На этом много обсуждавшемся и достаточно очевидном ходе, ходе расположения на онтологической плоскости, дело не заканчивается. Более важно, сам мир выворачивается наизнанку и перестает существовать в качестве такового: не бытие-в-мире, но бытие-в-не-мире, бытие-вне-мира, без-мира, странное бытие. Формулировка С. Шавиро, резюмирующая эстетизм философии Уайтхеда: «...движение не от самости к миру, но от мира к самости» [7, с. 25], в данном случае не работает. Точнее, присутствие/наличие радикально иного, чуждого, прерывает протекание органического процесса принятия данности (*datum*) и синтеза ее в опыте субъекта-суперъекта и тем самым блокирует его становление. Как пишет, следуя за Уайтхедом, Жиль Делёз, определяющим свойством любой актуальной сущности является уникальный, присущий только ей одной, способ (*manner*) ее становления в бытии: «субстанция определяется не через сущность, она определяется через активный источ-

¹ Или скорее как раз не идет, спотыкается и останавливается в нерешительности, достигая предела выражения и репрезентации. Более уместны здесь даже не крик: его тоже недостаточно, он слишком человечесен, – но шорохи, скрипы, фоновые шумы – чужие звуки, изначально не предназначенные для человеческих ушей.

ник ее собственных модификаций, источник ее собственных манер. У субстанции нет сущности, она представляет собой исток своих способов существования. Вещь определяется через все способы существования, на которые она способна; субстанция вещи есть исток способов ее существования. Этим имеется в виду – хотите вы того или нет, – что субстанция неотделима от самих способов существования» [8, с. 282–283].

Но при столкновении с радикально иным актуальная сущность лишается привилегии определять то, *как* она схватывает многообразие данного, поскольку сам способ схватывания (даже в отрицательном модусе не-схватывания, отрицательного чувствования) оказывается не принадлежащим ей, навязанным ей со стороны иного, и, следовательно, такая актуальная сущность перестает быть самой собой, она «выходит из себя» в буквальном значении этого выражения. В случае если этой актуальной сущностью оказалось человеческое существо, имеет место то, что Ю. Такер называет «черным озарением»: «здесь нечеловеческое невозможно познать даже косвенно – и все же оно интуитивно постижимо, но только такой мыслью, которая лишена всех своих атрибутов. Мыслится только лишь эта абсолютная недоступность, эта абсолютная несоизмеримость; утверждается только то, что является отрицанием. Таким образом, мы имеем не человеческое познание и его относительный горизонт мыслимого, а загадочное откровение о немислимом – то, что мы уже назвали черным озарением. Оно ведет от человеческого к нечеловеческому, но оно также является уже нечеловеческим или моментом нечеловеческого» [3, с. 148].

Однако наивно думать, будто подобная ситуация возможна только в случае людей (более того, подобная мысль могла бы быть применена в качестве основы для утверждения нового вида онтологической привилегированности людей: человек привилегирован в бытии на основании того, что только он один может столкнуться с радикально иным или, говоря словами Такера, может иметь опыт черного озарения). В манге Дзюндзи Ито «Узумаки» [9], которую Такер разбирает в качестве иллюстрации своей концепции нечеловеческого, проникновение последнего в форме черной матемы начинается как раз с не-людей, с обычных окружающих нас вещей. Но даже этот пример может дать основания для ложного вывода, что черная математика (нечеловеческое) изначально имела в людях какой-то странный интерес, что захватить их было ее целью, тогда как более правильным было бы предположение, что люди это просто еще один ничем не примечательный вид сущностей, оказавшихся на ее пути. Следует помнить, что цена такого ложного вывода может быть высокой: либо мы имплицитно допускаем, что нечеловеческое изначально «завязано» на человека, приписывая ему некую интенциональность в форме злонамеренности по отношению к людям, и тем самым провоцируем «инфляцию» его онтологического статуса (так, Тимоти Мортон, по-видимому, скатывается к чисто относительному пониманию приставки «гипер-» в своем анализе гиперобъектов, несмотря на желание в конечном счете установить их исключительный онтологический статус) [5], либо мы со всей серьезностью признаем за ним исключительный онтологический статус – статус трансцендентности в границах имманентного. Если мы придерживаемся последней точки зрения, то в таком случае, возможно, будет не лишним дополнительно закрепить *мизантропическое вычитание* Такера терминологически, изгнав человека даже из имени предельного *нечеловеческого* и назвав его просто «*радикально иным*». Разумеется, с онтологической точки зрения этот жест ничтожен – в конечном счете, апофатика дополняется катафатикой, и всякий термин подходит для *него* не лучше и не хуже, чем любой другой. Чего мы действительно хотим, так это того, чтобы это переименование было воспринято как *политический* жест: изгнать людей даже из имени, говорить о них лишь тогда, когда этого требует необходимость – и... говорить о них точно так же, как о других актуальных сущностях, не наделяя их никакими привилегиями да-

же на чисто терминологическом уровне. Именно поэтому мы, повторим, называем наиболее отстоящий от нас как людей, наиболее темный вид нечеловеческого «радикально иным».

Манифестации радикально иного?

Странным образом попытка расчерчивания границ между человеческим и иным часто приводит к неожиданному результату: вместо четких границ мы наталкиваемся на жидкие, склизкие, текущие следы их взаимного проникновения. В книге «Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни», и особенно в ее последней главе «Метафизика слизи?», американский философ Бен Вудард подробно рассматривает следы проникновения нечеловеческого (в частности, таких нечеловеческих акторов, как грибы, микробы и гипотетические взвешенные формы жизни) в человеческий мир, а также разрушительное воздействие нечеловеческого на привычные людям пространственно-временные формы в рамках разрабатываемой им концепции темного витализма. На множестве реальных примеров из области биологии, а также на примерах маргинальных художественных и литературных практик Вудард демонстрирует, что в *ином* нет четко разграниченных уровней, что само по себе оно жидко и текуче [10, с. 83–106]. Любые попытки выделить его уровни или, в случае столкновения с ним людей, ретроспективно выделить стадии его разворачивания, как это делает Такер, ... имеют привкус искусственности.

«На уровне антропной субверсии – первой стадии – этот предел присутствует, но скрыт, окультен и остается неопознанным. На уровне антропной инверсии – второй стадии – этот предел выходит на передний план за счет перестановки терминов, но не самой связи. Но и здесь нечеловеческое остается пределом, тем, что можно познать лишь косвенно, с помощью специального *ad hoc* использования человеческих терминов (таких как чувственность, или интенциональность, или злонамеренность). Далее, на третьем уровне онтогенная инверсия порождает мизантропическое осознание того, что нечеловеческое существует в антагонизме по отношению к человеку. Это приводит к четвертой стадии – мизантропическому вычитанию, в котором само отношение перевернуто. Здесь нечеловеческое невозможно познать даже косвенно – и все же оно интуитивно постижимо, но только такой мыслью, которая лишена всех своих атрибутов. Мыслится только лишь эта абсолютная недоступность, эта абсолютная несоизмеримость; утверждается только то, что является отрицанием» [3, с. 148].

Иному нет дела до человеческих градаций и дефиниций. Оно может сталкиваться с другими сущностями и эстетически про-являть себя для них как постепенно, например, в обжитых, почти-человеческих вещах – едва заметная, но все же тревожащая перемена в виде из вашего окна, о которой вы не можете сказать ничего определенного, однако ощущаете появление некоего нового оттенка, вводящего новый контраст, – так и сразу, мгновенно, сталкивая сущности с тьмой радикально иного, как это часто бывает с героями Лавкрафта. Впрочем, даже эта пара примеров выдает свою очевидную искусственность: в действительности столкновение с иным гораздо более динамично, оно протекает гораздо быстрее, еще до того, как речь оказывается способна проговорить его, – и мы всегда вынуждены прибегать к эстетизации, и результат неизбежно оказывается напыщенным, бессильным, вызывающим кривую ухмылку – НЕ ТЕМ. Действительно работающее описание радикально иного, если оно все же возможно, всегда будет ограниченным и несколько странным, что неудивительно в силу самой его природы, его «недоступности» и «несоизмеримости» с возможностями трансцендентального аппарата и, шире, опытом сталкивающихся с ним людей, что и было отмечено Такером. Однако сам этот провал – неспособность выразить тот эффект, который производится в нас от встречи с радикально иным, гораздо более интересен, чем любые попытки передать его как в речи, так и художественными средствами.

Рис. 1. «Моясвязь». 2013 г. Межвидовой симбиотический коннектор, осуществляющий связь человека и грибницы. (В сотрудничестве с галереей «Капельница» и при участии Министерства культуры Словении.) Саша Спачал, Мириан Швагели, Анил Подгорник (Словения). Фотография Дамиана Шварца

В какой-то степени столкновение с радикально иным производит эффект, схожий с эффектом, производимым кантовским возвышенным, однако это всего лишь аналогия, ограниченная частью механизма производства, соответственно, опыта возвышенного и черного озарения. «Мы не способны понять опыт возвышенного, однако мы вынуждены бесконечно говорить о своем провале» [7, с. 27], никакие художественные/технические, языковые средства не позволяют по-настоящему передать присутствие радикально иного. С другой стороны, не следует чрезмерно увлекаться этой аналогией, поскольку, во-первых, в случаях опыта возвышенного и темного озарения действуют агентности, обладающие совершенно различными онтологическими статусами, а во-вторых, механизмы производства аффектов в таких актуальных сущностях, как люди, в этих двух случаях весьма существенно различаются. В случае же кантовского возвышенного мы имеем в виду взаимодействие с сущностями, которые согласно принятой нами классификации относятся к еще-не-людям и уже-не-людям, в случае опыта столкновения с радикально иным речь идет о сущностях, относимых нами к последним двум классам, к еще не не-людям и, возможно (что, с нашей точки зрения, имеет наибольшую важность и вызывает наибольший философский интерес), к уже не не-людям.

Выставка «Новое состояние живого» заслуживает особого одобрения именно за сосредоточенность на наиболее отдаленных от людей в онтологическом плане сущностях, за стремление наконец-то отказаться от модерного подхода и предоставить *им* право самим говорить за себя. Как сказал в одном из интервью куратор выставки Д. Булатов, одной из стоявших перед ним задач была «...попытка систематизировать посредством выставки и научной конференции представления о «глубоких медиа» (deep media). Это очень активно развивающаяся на сегодняшний день область исследований, которая разрабатывается на стыке современного искусства, философии и науки. В фокусе внимания «глубоких медиа» – встреча с

воздействием физических составляющих земли, воды и атмосферы (в частности – магнитных, электрических и гравитационных полей), а также субстратных элементов современных технологий (металлы, соли, кристаллы и др.)» [11].

Разумеется, нужно учитывать уже упоминавшиеся выше ограничения, накладываемые сущностью (*essence*) радикально иного на любую попытку высказывания о нем, и в том числе на попытки передать/воспроизвести/сконструировать ощущение от столкновения с ним художественными/техническими средствами. В силу этих ограничений радикально иное никогда не выступает в художественном произведении напрямую, обзаводясь медиаторами из числа конкретных физических, биологических, технических сущностей (*entities*). И все же тот факт, что такие произведения, как «Моясвязь» (Саша Спачал, Мириан Швагели, Анил Подгорник (Словения), 2013) (рис. 1), «Массы» (Группа «Quadrature», 2016), «Истоки жизни» (Адам У. Браун (США) в соавторстве с Робертом Рут-Бернштейном (США), 2015) и другие, как минимум, демонстрируют точку зрения, в основе которой лежит взгляд на не-людей не как на пассивные и бесправные *проводники* человеческих смыслов, форм и дискурсов, но как на активных *посредников* [12, с. 58], соучаствующих в создании произведения наравне с художником, безусловно, заслуживает внимания. Если же говорить о выполнении, так сказать, «задачи-максимум», в качестве которой мы видим передачу эффекта присутствия/наличия радикально иного, то, разумеется, вердикт об успехе ее решения остается за каждым отдельным посетителем выставки. Как бы то ни было, само стремление не просто *приписать* нечеловеческим агентам (ДНК, грибам, электрическим и гравитационным полям, металлам, кристаллам и др.) онтологический статус полноправных посредников в создании художественного произведения, но *сделать* это посредством реальных художественных практик глубоко созвучно идеям Уайтхеда и Латура, а также многих спекулятивных реалистов (рис. 2, 3, 4).

Рис. 2. «Развитие геометрий – Татуировки для грибов». 2015–2016 г. Проект, посвященный развитию геометрических форм на живых и растущих биологических носителях. Инсталляция, смешанная техника, грибы. Тереза Шуберт (Германия). Фотография Ивана Козлова

Из различия онтологического статуса вступающих во взаимодействие актуальных сущностей вполне очевидно вытекает различие механизмов производства аффектов. Согласно Канту, «... (чувство возвышенного) есть удовольствие, которое возникает лишь опосредствованно, а именно порождается чувством мгновенного торможения жизненных сил и следующего за этим их приливом, таким образом, вызывая растроганность...» [13, с. 114]. Если пользоваться терминами Бергсона, переживание возвышенного связано с резким понижением интенсивности состояния сознания, ее последующим повышением и приходящим вслед за этим удовольствием от возвращения «комфортного» равновесия [14, с. 1262]. Сама интенсивность или, точнее, мера ее колебания, согласно Бергсону, позволяет судить о «приблизительной величине внешней причины, породившей это состояние» [14, с. 1262]. В двадцать шестом параграфе третьей «Критики» «Об определении величины природных вещей, требующейся для идеи возвышенного» Кант пишет: «Для того, чтобы при созерцании принять в воображение какое-либо количество, используя его как меру или единицу в определении величины посредством чисел, необходимы два акта этой способности: схватывание (*apprehensio*) и соединение (*comprehensio aesthetica*). Со схватыванием дело обстоит просто, ибо оно может продолжаться до бесконечности, но соединение становится тем труднее, чем дальше продвигается схватывание, и вскоре достигает своего максимума, а именно наибольшей эстетической основной меры в определении величины. Ибо когда схватывание настолько продвинулось, что схваченные воображением вначале частичные представления чувственного созерцания уже начинают затухать по мере того, как воображение продолжает процесс схватывания, оно теряет на одной стороне столько же, сколько выигрывает на другой, и тогда соединение охватило то наибольшее, за пределы которого воображение выйти не может» [13, с. 121].

Рис. 3. «Пятьдесят сестёр». 2012 г. Эволюционирующие изображения растений, созданных на основе логотипов нефтяных компаний. (Проект осуществлен Novamedia по заказу Музея Ars Electronica, Линц.) Джон Маккормак (Австралия). Фотография Джона Маккормака

Рис. 4. «Всё, что я есть». 2011 г. Изготовление трансгенных мышей на основе генетической информации, извлеченной из образцов волос Элвиса Пресли. (При поддержке Исследовательского центра Pinta Acoustic Inc. и при участии Сооми Парк и др.) Коби Бархад (Израиль). Фотография Коби Бархада

Но что, если мы попытаемся представить себе условия, при которых очерченный Кантом предел оказывается преодолен? Аналогия между кантовским возвышенным и черным озарением Такера, понимаемым нами как опыт столкновения с радикально иным, была выбрана нами отнюдь не случайно. Черное озарение наступает тогда, когда величина внешней причины превышает максимум, возможный для схватывания. Для этого нужно не так много, как может показаться: достаточно, чтобы «затухание частичных представлений» в процессе синтеза воображения в определенный момент было по какой-либо причине остановлено, заблокировано. Конечно, Кант не мог представить себе природной вещи, которая могла бы послужить причиной такого воздействия. Чтобы представить себе подобную вещь, необходимо выйти за пределы кантовской критики и обратиться к сущности, которая относится к тому, что мы ранее определили как *«уже не люди»*, иными словами – представить себе вещь, которая не относится к природному, существует вне природы, вне мира и все-таки каким-то странным образом вступает в контакт с людьми. Обладая особым онтологическим статусом *ничтожности*, такая сущность представляет собой трансценденцию в имманентном. Сама по себе она – ничто или почти ничто, абстракция, которой нельзя сопоставить какое бы то ни было конкретное представление. Именно такова «черная математика» Такера, нечеловеческое абстрактное. Черная математика «... получает присутствие только будучи проявлена в какой-либо вещи – чашке, растении, раковине улитки» [4]. Подобно вирусному коду, дописывающему себя к основному коду программы, или вирусу, вписывающему свой генокод в генокод заражаемой им клетки, черная математика проникает в каждое «единичное представление» сознания, постепенно, шаг за шагом подменяя собой его содержание.

«Обычно это начинается с какой-то мелочи, совершенно безобидной, легкой одержимости. Вы очарованы увиденным, что-то бросается в глаза: особый узор на скатерти, форма раковин улиток, извивы усиков растения, форма на керамической чашке, движение жидкости в

мисо-супе во время помешивания. Вы заинтересованы, и постепенно «гм, это любопытно» перерастает в «что еще можно узнать об этом?». Кругозор шаг за шагом расширяется, пока полностью не охватывает весь окружающий мир. Понемногу маленькая одержимость становится большой одержимостью...» [4] (рис. 5).

Рис. 5. «Маятниковый хор». 2011 г. Хоральное песнопение для 9 голосов акапелла и 18 гидравлических домкратов. Исполнение Jeune Opéra Compagnie, дирижер Николя Фарин. Группа «Cod.Act»: Андре и Мишель Декостер (Швейцария). Фотография Хавьера Вуароля

Когда «частичные представления», как и положено, затухают, черная матема остается, множась, словно бесконечно повторяющиеся серии одного и того же изображения в голограмме. В конце концов остается только она. Она – представитель радикально иного, предел, или горизонт, воображения, то, что, подменяет собой все эмпирические представления, но вместе с тем и представление *я мыслю*, сопровождающее их все, и в конце концов становится первоначальной апперцепцией. Отныне *я мыслю* больше нет – мыслит ОНА. Интенсивность состояния сознания только возрастает, синтез продолжается, но своим продолжением он обязан уже не спонтанности *cogito*, а произволу черной матемы. Станным образом, будучи по сути ничем, она, как внешняя вещь, аффицирующая нашу чувственность, все же способна превысить предельно допустимую для человеческого сознания величину схватывания.

Как замечает С. Шавиро, «возвышенное завязано на вопрошании о пределах репрезентации и формы...» [7, с. 182]. Гипотетический опыт черного озарения также ставит перед нами вопрос о пределах репрезентации и формы, но этим, в отличие от возвышенного, он не ограничивается и идет гораздо дальше, подвергая сомнению человеческий *αἴσθησις* в целом. Иными словами, он затрагивает не просто пределы репрезентации и выражения, но – если перейти к терминологии Уайтхеда, – особость способа схватывания (*prehension*) данности человеческими сущими, что переводит вопрос из эстетической плоскости в плоскость онтологическую.

Для того чтобы помыслить радикально иное, люди должны перестать мыслить как люди, всецело отдавшись на его произвол, однако в кого (или во что) мы превратимся в результате такого перехода? И, более того, окажемся ли мы способны на радикальную трансформацию своей природы или же нам попросту предстоит исчезнуть с лица планеты? В связи с этим нельзя не заметить, что организаторы выставки «Новое состояние живого», по-видимому, не до конца осознают все потенциальные онто-политические последствия тех перемен, которые они с такой готовностью приветствуют, заявляя: «Очень важный мотив, который присутствует на нашей выставке, – это попытка переосмысления антропоцентричной перспективы нахождения человека в этом мире. В традиционном искусстве «живое» всегда понималось в его отличии от «неживого», субъект – от объекта, а художник – единственный, кто выносил суждение о мире. Это – человекоцентристская онтология, которая рассматривает человека в качестве независимого от мира феномена, фундаментально превосходящего его. Картина развития современных технологий и проблематика «глубоких медиа» говорят нам о необходимости отказа от такой точки зрения – в пользу представлений о человеке как одном из многих других действующих лиц в этом мире» [11]. В конце концов, технологии, подобные тем, что Хизер Дьюи-Хагборг (США) применила для создания работы «Образы незнакомцев» (2012–2013) уже сегодня применяются в очевидно порочных целях, а использование неживого, содержащегося в человеческих телах («Гем» шведской художницы Сесилии Йонссон), не только навеивает воспоминания о «коммерчески успешных производствах» нацистских лагерей смерти, но и содержит в себе намек на новые возможности эксплуатации равно живого и не-живого, описанные во множестве антиутопий.

Кроме того, как замечает Д. Тригг, программы пересмотра «антропоцентричной перспективы нахождения человека в этом мире» и связанная с этим философия постгуманизма отнюдь не лишены внутренних противоречий. Как пишет Тригг, «пытаясь преодолеть философию, связывающую субъект с миром, новая философия продолжает и концептуально, и эмпирически воспевать мир, который продолжит существовать и после того, как человечество сойдет со сцены» [15, с. 13].

Философия постгуманизма остается «явно ...человеческим – и, увы, слишком человеческим – видением, навсегда привязанным к извечному вопросу: *какими Земля запомнит нас?*» [15, с. 13].

Список литературы

1. Bogost I. Materialisms: The Stuff of Things is Many // I. Bogost Video Game Theory, Criticism, Design, 2010. February 21. – URL: <http://www.bogost.com/blog/materialisms.shtml> (дата обращения: 25.01.2019).
2. Брайант Л.Р. Демократия объектов / пер. с англ. О.С. Мышкина. – Пермь: Гиле Пресс, 2019. – 320 с.
3. Такер Ю. Щупальца длиннее ночи // Ужас философии: в 3 т. / пер. с англ. А. Иванова. – Пермь: Гиле Пресс, 2019. – Т. 3. – 214 с.
4. Такер Ю. Черная математика [Электронный ресурс] / пер. с англ. А. Иванова. – URL: <https://spectate.ru/eugene-thacker/> (дата обращения: 20.11.2019).
5. Мортон Т. Гиперобъекты: философия и экология после конца мира / пер. с англ. В. Абраменко. – Пермь: Гиле Пресс, 2019.
6. Барад К. Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практики обретают значимость // Опыты нечеловеческого гостеприимства: антология. – М.: V-A-C press, 2018. – 336 с.
7. Шавиро С. Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика / пер. с англ. О.С. Мышкина. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 210 с.

8. Делёз Ж. Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 376 с.
9. Junji Ito. Uzumaki. Vol. 3. – San Francisco: Viz Media, 2008. – 639 p.
10. Вудард Б. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни / пер. с англ. Д. Хамис. – Пермь: Гиле Пресс, 2016. – 125 с.
11. Хакимов С. Дмитрий Булатов: «Эволюция не останавливается на человеке» (интервью с Д. Булатовым) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.newsko.ru/articles/nk-5005805.html?fbclid=IwAR0l8l5i7r7MQRVQm1w_hIAf5hNh7V7zXCfQLwDJCEcW4m9G_yBxb2l5Pn4 (дата обращения: 25.01.2019).
12. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. – 384 с.
13. Кант И. Критика способности суждения: пер. с нем. – М.: Искусство, 1994. – 367 с.
14. Бергсон А. Введение в метафизику. Смех. // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: пер. с фр. – Минск: Харвест, 1999. – 1408 с.
15. Тригг Д. Нечто: Феноменология ужаса / пер. с англ. Я. Цырлиной и Д. Чулакова. – Пермь: Гиле Пресс, 2017. – 174 с.

References

1. Bogost I. Materialisms: The Stuff of Things is Many". *Video Game Theory, Criticism, Design*, February 21, 2010, available at: <http://www.bogost.com/blog/materialisms.shtml> (accessed 25 January 2019).
2. Brayant L. *Demokratiia ob'ektov* [The Democracy of Objects]. Perm', Gile Press 2019, 320 p.
3. Taker Eu. *Shchupal'tsa dlinnee noch* [Tentacles Longer Than Night]. *Horror of Philosophy*. Perm', Gile Press, 2019, vol. 3, 214 p.
4. Taker Eu. *Chernaia matema* [Black matema], available at: <https://spectate.ru/eugene-thacker/> (accessed 20 November 2019).
5. Morton T. *Giperob'ekty: filosofii i ekologii posle kontsa mira* [Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World]. Perm', Gile Press, 2019.
6. Barad K. *Agentnyi realism. Kak material'no-diskursivnye praktiki obretaiut znachimost'* [Agential realism: how material-discursive practices matter]. *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva: Antologiya*. Eds. Kramar M., Sarkisov K. Moscow, V-A-C press, 2018, 336 p.
7. Shaviro S. *Vne kriteriev: Kant, Whitehead, Deleuze i estetika* [Without Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze, and Aesthetics]. Perm', Hyle Press, 2018, 210 p.
8. Deleuze G. *Lektsii o Leibnitse 1980, 1986/87* [Lectures about Leibniz. 1980, 1986/87]. Moscow, Ad Marginem Press, 2015, 376 p.
9. Junji Ito, Uzumaki. Vol. 3. San Francisco, Viz Media, 2008, 639 p.
10. Woodard B. *Dinamika slizi. Zarozhdenie, mutatsiia i polzuchest' zhizni* [Slime Dynamics]. Perm', Hyle Press, 2016, 125 p.
11. Khakimov S. Dmitrii Bulatov: «Evolutsiia ne ostanavlivaetsia na cheloveke» (interv'iu s D. Bulatovym), available at: https://www.newsko.ru/articles/nk-5005805.html?fbclid=IwAR0l8l5i7r7MQRVQm1w_hIAf5hNh7V7zXCfQLwDJCEcW4m9G_yBxb2l5Pn4 (accessed 25 January 2019).
12. Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriiu* [Reassembly of the social: an introduction to actor-network theory]. Ed. S. Gavrilenco. Moscow, Izdatel'skii dom Vyshei shkoly, 2014, 384 p.
13. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniia* [Criticism of the ability of judgment]. Moscow, Iskustvo, 1994, 367 p.
14. Bergson A. *Vvedenie v metafiziku. Smekh* [Introduction to Metaphysics. Laugh]. *Tvorcheskaia evoliutsiia. Materiia i pamiat'*. Moscow, Kharvest, 1999, 1408 s.
15. Trigg D. *Nechto: Fenomenologiya uzhasa* [The Thing: a Phenomenology of Horror]. Perm', Hyle Press, 2017, 174 p.

Олег Степанович Мышкин (р. 1990, п. Гайны, Пермский край) – философ, переводчик, независимый исследователь. Окончил философско-социологический факультет Пермского государственного национального исследовательского университета (2014), выпускник аспирантуры при кафедре философии и права гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета (2018). С 2015 года сотрудничает с независимым издательством «Гиле Пресс», специализирующимся на переводе современной философской литературы. За это время принял участие в переводе и/или издании таких книг, как «Четверойкий объект» Г. Хармана, «Динамика слизи» Б. Вударда, «Демократия объектов» Л. Брайанта, «Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делёз и эстетика» С. Шавиро и др. Регулярно публикуется в пермских научных журналах. Тематика исследований – современные онтологии (Уайтхед, Латур, спекулятивный реализм), философия техники, современная эстетика.

Oleg Stepanovich Myshkin (b. 1990, s. Gainy, Perm Krai) is a philosopher, translator, independent researcher. He graduated from Perm State National Research University (2014), completed the post-graduate course of the Department of philosophy and law in Perm National Research Polytechnic University (2018). From 2015 he contributes to the independent Publishing house "Hyle Press" which specializes in translation and editing of a modern philosophical literature such books as "The Quadruple Object" by G. Harman, "Slime Dynamics" by B. Woodard, "The Democracy of Objects" by L. Bryant, "Out of criteria: Kant, Whitehead, Delauze and aesthetics" by S. Shaviro and others. His works are regularly published in Perm scientific journals. Research issue of Myshkin is the modern ontology (Whitehead, Latour, speculative realism), philosophy of technics, modern aesthetics.